

Ду Мин Гю сидел неподвижно, согнув спину, наблюдая, как палочки медленно сжигаются до кончиков, последние мгновения до выгорания всегда были самыми трудными, как будто они внезапно стали гореть медленнее, достигая конца своей жизни, стараясь оставаться как можно дольше горящими. Даже после долгой жизни его нетерпение по-прежнему беспокоило его, его величайшая слабость, которую он снова и снова поминал.

Семь дней траура, это была стандартная продолжительность похорон для тех, кто мог себе это позволить. Родная семья, мужа или жены, дети оставались бы рядом с гробом, держа в течение семи дней ладан, спя рядом с ним в знак солидарности, но любые другие скорбящие могли свободно приходить и уходить. Без каких-либо прямых семейных связей он решил остаться на все это время самостоятельно, только спал в течение нескольких часов, пока его рабы брали на себя его обязанности каждую ночь, его палатка устанавливалась рядом с курильницей благовоний.

Это была ужасная ошибка, благонамеренная, но все же ужасное решение. Это было в середине лета, и с каждым вдохом его дыхание превращалось в холодный туман, эта земля была прекрасной и бессердечной любовницей, заставлявшей его страдать из-за удовольствия достопримечательностей, ненавистной, мстительной скуки. Лучше было бы не переживать этого, опыт, который испортил ему память о Каи, как теперь, когда он думает об этом мальчике, он сначала вспомнит это издевательство над похоронами.

Вставая, он почувствовал, как его колени скрипели, когда он поплелся вперед и принял новые палочки из Кюнга, зажигая их в ближайшем жаровне и помещая их в топку, прежде чем вернуться на свое место. Ужасная ошибка. Откинувшись на спинку кресла, он оглянулся на Аканьай, посмеиваясь, когда она сидела неподвижно, откинувшись на стуле. Маленькая победа, казалось, она слишком упряма, чтобы принести свой стул. Это был один из ошеломляющих недостатков.

Тем не менее, он хотел нечто что-то личное. Ужасная нехватка дисциплины, казалось, будто каждый из ее солдат сидел без дела в лагере, к которому присоединилось более половины ее хышигов, женщина не заботилась о безопасности Империи. По общему признанию, если бы он был на ее месте, он бы сделал то же самое. Это была неприятная работа, непригодная для истинных воинов, и было бы глупо оставлять его здесь без присмотра.

Его провокация начала просто травмировать и унижать ее, что на самом деле не означает убить ее, но ее сила удивила его, более способного воина, чем он мог предположить. Если бы он был азартным игроком, он предположил бы шансы 60:40 в его. С Аканьаем здесь, и если слухи о Баатар и Гереле не были преувеличены, то эти Хишиги были действительно грозными, даже дети, демонстрирующие грозное мастерство с дочерью Аканьай, могли легко рассеять его намерение, впечатляющее проявление контроля.

Большая часть времени последние несколько дней были потрачены на самоанализ, удивляясь, почему он так злобно действовал над рабом, ценным и высоким по родословной, но все же рабом. Несмотря на это, он просто уступил во второй раз за этот день, смерть Кая повлияла на него гораздо хуже, чем он считал возможным.

Это был проклятый трубчатый дым, смесь трав, призванная притупить боль от старости, но она также имела неудачный эффект. Только благодаря лжи Аканьай он избежал участи казни, и он был ... благодарен за ее вмешательство.. Лучше бы он умер в расцвете сил, чем быть сведенным к этому жалкому состоянию.

Чувствуя тоску, он сидел и слушал, как дети болтают о глупостях, едва обращая внимание на Кюнга и его оппонента, поскольку они пытались превзойти других. Услышав о себе, он сказал несколько слов, чтобы рассердить маленькую девочку, улыбаясь про себя, наблюдая, как дергается Аканьай. Он обнаружил, что самый простой способ агитировать ее - поговорить с дочерью. Не было необходимости быть откровенно враждебным, любые слова, сказанные девушке, вызвали бы недовольство Аканьай. Как бы он ни был благодарен, трудно было полюбить эту женщину.

Ворча из-за своих разочарований, он утешался тем, что скоро все кончится, его бдение закончится уже сегодня, и он сможет отправиться утром назад. Он планировал найти бывшего вооруженного эскорта Кая и привезти их домой вместе с ним, не желая возвращаться без них. Если бы он это не сделал, вся поездка была бы напрасной, и этого просто нельзя было бы допустить. По крайней мере, он мог оказать помощь в защите Севера, возможно, и убить врагов.

Через четыре часа, он встал и снова зажег палочки, подошел к горелке, чтобы поместить их с таким же почтением, какое он мог бы сделать при таких обстоятельствах. Сделав паузу, он повернулся, чтобы отступить на свое место, его глаза сузились, когда он заметил, что следы дыма, уплывающие в струе, потянулись влево вместо того, чтобы плыть с легким ветерком. Любопытно. Он потянулся, чувствуя, как ветер двигается вокруг него в крошечных потоках. Многие считали, что ветер перемещается как единый поток, масса воздуха, идущего из одного пункта назначения в другой, но истина была далека от этого. Каждое маленькое изменение имело эффект.

Запах измельченных трав и лечебных масел наполняет мои ноздри, я ломаю голову. «Э-э ... Лаогун?».

«Ты спрашиваешь или говоришь мне?» Токта сидит, опустившись на стул, его голос приглушен. Ему было тяжело в последние дни, он очень много работал, в совместном командовании с Альсаньсет, когда как Аканьай сидела с сумасшедшим наставником Кая.

«... Говоришь?».

Подняв голову, чтобы произвести на меня недовольство, он издал вздох. "Верно. Будь увереннее в себе, мальчик. Ты быстро запоминаешь, и что более важно, ты можешь использовать свои знания. Закончи здесь и пойдем со мной».

Оставив в стороне ступку и пестик, я встал и последовал за ним из палатки к изолированной скалистой местности. Развернув сотканный бамбуковый коврик, он жестом приглашает меня присесть на нем.

«Ты пристаешь ко мне, но твой прогресс меня впечатлил. Твои технические знания адекватны, поэтому сегодня ты начнешь попытку восстановить свою руку. Я говорю «попытка», потому что не только невозможно потерпеть неудачу, я ожидаю, что сегодня ты потерпишь неудачу. На самом деле в лучшем случае ничего не произойдет, и мы попробуем завтра снова».

«Ну ... Хорошо ... Итак, что мне делать?».

Зевая, он протягивает руку, садясь на землю неподалеку. "Подготовься. Медитируй. Изучай. Контролируй себя, визуализируй, а затем снова вырастит руку. Просто объяснить, трудно сделать. Не теряй фокус». Он кладет руки ему на живот и закрывает глаза, почти сразу же засыпая. Токта - не самый лучший учитель в мире, предпочитающий оставлять меня, чтобы все понять самостоятельно. Даже книга, которую он дал мне, была просто полна информации, но

ничего о действительном исцелении. По существу, он дал мне книгу о числах и хочет, чтобы я вычислил исчисление. Это очень полезно.

Контроль придет с практикой, поэтому я думаю, что сейчас самое подходящее время, чтобы попробовать, а другие, дремлющие после утреннего боя, не могли отвлекать меня. Он действительно только «бодрствует» в течение нескольких часов каждый день, и это меня устраивает. В последнее время я чувствую, как он переполнен, почти обижен его присутствием, поскольку я действительно предпочитаю одиночество во всем, хотя иметь вокруг Адуджан не так уж страшно. Перед тем, как я начну, последний раз взглянув на оранжево-синее небо, я закрываю глаза и дышу, медленно рассматривая необходимые шаги, от формы костей, расположения мышц, ориентации сухожилий и времени, проходящего по мере того, как я готовлюсь.

Когда я наконец чувствую, что я готов, я медленно тянусь, Энергия Небес приветствует меня, позволяя расслабиться. Я решил давно не носить Кольцо для этого, позволяющее мне работать над управлением, не беспокоясь о том, чтобы убить себя от слишком большого количества энергии.

Интересно, что по мере того, как моя кровь течет по моему телу, мне кажется, что моя рука все еще там, воображаемые ощущения прохладного воздуха, текущего над ней, щекочущие волосы на моей руке, когда она лежит рядом со мной. Токта называет это «Призрачная сенсация», что-то не совсем понятное, но я предполагаю, что это одна из причин, почему я не могу изменить свою руку, когда ее регенерирую, потому что она все еще существует в каком-то метафизическом смысле. Любое отклонение от того, что есть, по-видимому, приведет к взрывному росту опухолей, неприятной мысли. Я дрейфую, мне нужно сосредоточиться. Позволяя себе отдохнуть, пока я медитирую, мой разум опустошает себя всего, кроме того, что требуется, и я жду, моя кровь циркулирует пока Небесная Энергия начинает уплотняться в моем ядре.

Когда поток в мое ядро замедляется почти до полной остановки, я позволяю Энергии Небес продолжать действовать на меня, окружая меня в спокойном состоянии подвеса, мой разум поворачивается к моей руке, отрубленной всего в пяти сантиметрах от плеча. Этот сустав и мышца все еще на месте, мне нужно только работать, начиная с плечевой кости. Дельтовидные мышцы необходимо будет восстановить и подключить к тому, что все еще на месте.

Вначале я начинаю с чего-то знакомого, исправляю кость, я толкаю энергию, чтобы начать работать, кровь проникает в ткани, окружающие чистую оторванную кость, воспаляя область, поскольку она сгущается в заданном шаблоне и готовит путь для стабильной основы. Каждый шаг тщательно ориентирован с максимальным вниманием. Сгущенная кровь растет в размерах и переназначается в мягкую фиброзную ткань, крошечную кепку на кости толщиной менее миллиметра, так как я повторяю процесс снова и снова, сгущаясь и сжимаясь, закаляя кость и костный мозг.

Время здесь не имеет значения, но мне кажется, что я сконцентрировался, мой ум уже устал, но есть еще много дел. Мое горло горит от жажды, когда я перехожу к следующему, неприятному шагу: эндостеум и надкостница, нервно- мембранные слои, которые выстилают внутреннюю и внешнюю часть моих костей. Боль вспыхивает через меня при создании новых нервов, тысячи из них на участке, меньшем, чем капля воды, выстреливая в первый раз, когда он сигнализирует о травме, где ее нет, и будет продолжать делать это до тех пор, пока они не акклиматизируются.

Выпадая из равновесия, мои глаза открываются к тусклому вечернему свету, когда я

вздрагиваю, пот катится по моему лбу, моя рука кричит в агонии. Затаив дыхание, я проверяю кожу на любое видимое изменение. Токта все еще лежит там, где я последний раз его видел, укрытый одеялом. На меня тоже надето одеяло, почти полная луна пробивается сквозь ночное небо, Токта храпит, указывая, что я здесь уже по крайней мере три часа.

После нескольких дыхательных упражнений боль спадает, чувствуя, как будто есть крошечная, горячая горячая монета, прикрепленная к моей руке, что доставляет небольшое неудобство. Вздрагивая от воспоминаний о боли моей недавно выросшей руки, я занимаю некоторое время, чтобы убедить себя, что это того стоит, что мне нужно это знать, и что я действительно должен поблагодарить Тадука в следующий раз, когда я его увижу.

Как он исцелил меня так быстро? Это не могло произойти с помощью микроменеджмента, как я это сделал, потому что в этом темпе у меня будет новая рука через десять лет или около того. Если бы только у меня могла быть рука, которая только как пружина полностью сформировалась или, по крайней мере, ускорила бы это так или иначе. На мгновение взглянув на Токту, мое решение принято довольно легко. Так как он спал, когда я начинал, я мог бы продолжать практиковать, пока не потеряю сознание. Потратив несколько минут на то, чтобы скомпрометировать себя, я откинулся на коврик.

Поднимаясь на том месте, где я остановился, я продолжаю наполнять энергию в руку, двигаясь от кости, через мышцы, жир и кожу, медленное, напряженное усилие, мой прогресс, выходящий из крошечного центра. Тонкий срез новой руки был регенерирован. Внутренне осматривая мою работу, я не могу не испытывать разочарования в связи с количеством усилий, необходимых для этого, неспособным заглянуть в будущее, в котором это происходит быстро. Должен быть какой-то трюк, который я не вижу, какой-то метод, который я могу применить.

Вспомнив, что Тадук работал сразу по нескольким направлениям, одновременно восстанавливая мою печень и ребра, а также исправляя дыры в моей груди одновременно, разделяя их на тысячи разных секций. Это не просто вопрос практики или многозадачности, просто нет способа, которым он мог бы все сразу направлять. Должна существовать определенная степень автономии, и казалось, что каждый тонкий поток энергии знает, что делать. Можно ли заранее изложить инструкцию для моего исцеления и просто позволить работать?

Подводя мою теорию к тесту, я приступил к работе, пытаюсь дублировать усилия Тадука в меньших масштабах, просто пытаюсь автоматизировать процесс выращивания новой шапки на кости, но как бы я ни старался, как только я перестану фокусироваться на одном процессе и двигаться дальше, первый процесс останавливается на своем пути. Раздраженный, я решил пойти ва-банк и попробовать что-то радикальное, визуализируя весь поперечный разрез, который я пытаюсь переродить, удерживая всю концепцию в моем сознании, прежде чем направлять мою энергию на то, чтобы реализовать концепцию, сделать ее реальностью все на один раз. Когда я смотрю, маленький диск руки растет быстрее, чем раньше, мучительная боль, почти вторичная для моего восторга, сладкое оправдание осознания того, что я делаю что-то правильное, наполняет меня гордостью. Вскоре еще один миллиметр в длину добавляется к моей руке и почти три миллиметра толщиной на этот раз.

Этот процесс продолжается, я поздравляю себя с тем, что я удивительный, едва ли могу дождаться, чтобы показать мой успех Токте. Я не должен злорадствовать и не должен называть себя гением, но мне интересно, как он это сделает.

Из моих легких вырывается измученный крик, из моей руки взрывается сильная боль, словно она погружена в кислоту и воспламеняется. Вглядываясь в обрубок моей руки в лунном свете,

я с ужасом наблюдаю, как кулак размером с кусок мяса и кости вырываются из кожи, не похожий на то, что, как предполагается, растет перед моими глазами в ужасающем соединении извилистого мяса. Мой бесчеловечный вой, повторяющийся всю ночь.

Тяжелая рука толкает меня вниз, и вес удерживает меня на месте, колено Токты зажато у меня на груди. При вспышке в лунном свете комок отделяется от моей руки, но все еще продолжает расти, когда он дергается и падает на место. Рука Токты закрывает мои глаза, и я слышу его сухой, носовой голос, я погружаюсь в сладкое бессознательное состояние.

«Поздравляю, мальчик, твоя неудача была гораздо менее зрелищной, чем ожидалось».

<http://tl.rulate.ru/book/591/83967>